

4. История Бурятии: в 3 т. Т. 3 — XX-XXI вв. / отв. ред. Б. В. Базаров - Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2001. - 464 с.
5. Нанзатова Л. Т-Б. Деятельность Верхнеудинской городской думы 1917-1918 гг. / Вестник Бурятского государственного университета. - 2009. - № 7. - С. 56-58.
6. Палхаева Е. Н. Становление и развитие самоуправления в г. Верхнеудинске-Улан-Удэ (1917-1989) / Вестник Бурятского государственного университета. - 2009. - № 7. - С. 58-63.
7. Плотникова М. М. Компаративный анализ московской и иркутской градских дум в 1785-1789 гг. / Вестник Югорского государственного университета. - 2012. - № 1. - С. 33-38.

Literature

1. Mayors and deputies of the Irkutsk Duma 1872-2011. Biographical directory / avt-sost. A.V. Petrov, M.M. Plotnikova; otv. Red. L.M. Dameshek. - Irkutsk: Ottisk, 2011. - 400 p.
2. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). F 70, Inv 2, D 5, L. 86, 101, 102.
3. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). F 70, Inv 2, D 96, L. 55, 113, 114, 118, 119.
4. The History of Buryatia: 3 P/ P 3 – XX-XXI. Ulan-Ude, publishing house BMTS SO RAN, 2001, 464 p.
5. Nanzatova L.T-B. To the activity of Verkhneudinsk state дума during 1917-1918 // Vestnik Buryatskogo gosuniversitya, 2009. - № 7. - p. 56-58.
6. Palkhaeva E.N. Formation and development of self-government in Verkhneudinsk-Ulan-Ude (1917-1989) // Vestnik Buryatskogo gosuniversitya, 2009. - № 7. - p. 58-63.
7. Plotnikova M.M. The comparative analysis of the Moscow and Irkutsk city establishments in 1785-1789 // Vestnik Yugorskogo gosuniversitya, 2012, . - № 1. - p. 33-38.

Ильина Анна Владимировна – преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Международного института экономики и лингвистики, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: annilin@mail.ru

Irina Anna – University lecturer of the Department of Social and Economic Disciplines, International Institute of Economics and Linguistics, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: annilin@mail.ru

УДК 947.06 (571.54)

DOI 10.18101/2306-753X-2015-1-59-66

© **Р. А. Евтехов**

Общие сведения о военных комендантах Верхнеудинской трансграничной крепости

В статье на основе неопубликованных архивных источников, опубликованных законодательных актов и воспоминаний современников рассматриваются общие вопросы об управлении коменданта города Верхнеудинска. Автор обобщает разрозненные, известные к данному времени и вновь полученные сведения о комендантах, их компетенции и функциях. В частности, приводятся сведения о первом коменданте, времени его назначения и сменивших его впоследствии чиновников. Автор затрагивает вопросы, характеризующие личные качества, моральный облик военных комендантов. Наибольшее внимание уделяется конфликту, возникшему между комендантом и провинциальным воеводой по поводу подчиненности городской полиции, причиной которого, по мнению автора, явилось несовершенство законодательной базы и отсутствие правового порядка, разрешавшего подобные случаи.

Ключевые слова: Верхнеудинск, военный комендант, трансграничная крепость, острог, гарнизон, полиция.

© R. Evtekhov

General information on the management of the military commandant Verkhneudinsk transboundary fortress

On the basis of unpublished archival sources and published legislative acts, memoirs of contemporaries considered general questions about the management of the commandant of Verkhneudinsk. The author summarizes the disparate known at this time and the newly obtained information about the commandant, their competence and functions. In particular, it provides information about the first commandant, since his appointment, and subsequently succeeded by his officials. The author raises questions that characterize the personal qualities, moral character of military commanders. The greatest attention is paid to fix the conflict between the commander and the provincial warlord about the subordination of the city police, the cause of which, in my opinion, was the imperfection of the legislation and the lack of legal order authorizes such cases.

Key words: Verkhneudinsk, military commandant, cross-border fortress, fort, garrison, police.

Военизированный акцент сибирского бюрократического аппарата Российской империи отмечался многими исследователями. Большинство ключевых должностей занимали военные, а полицейский аппарат, как правило, формировался полностью из отставных и негодных к службе военных. Причину этого стоит искать не только в отсутствии необходимого числа обученных кадров, но и в свойственных военным дисциплинарным качествам, а так же в самом характере продвижения Российской государственности в Сибирь. Специфика урбанизационных процессов Сибири, заключается в том, что города основывались как военные крепости - опорные пункты дальнейшего продвижения на восток [12, с. 19]. Эти центры играли роль связующих звеньев в управлении Сибирью. Обзаводясь посадами и уездами, они постепенно превращались в уездные и провинциальные города, сосредоточивая роль военных, административно-управленческих и торговых центров. Комплектование управленческими кадрами этих центров в XIX – начале XX веков продолжало оставаться прерогативой военного ведомства.

Положение окраинных городов Российской империи, их управление, особенно в условиях трансграничья и недоступность в определенную часть года для губернских властей, определяет их специфику и вызывает научный интерес. Цель статьи заключается в освещении общих вопросов становления и функционирования комендантского управления в трансграничном городе Верхнеудинск Иркутской губернии. Источниками исследования послужили делопроизводственные материалы Верхнеудинской комендантской канцелярии, городской полиции, магистрата, законодательные акты и воспоминания современников.

Вопрос об учреждении и функционировании регионального комендантского управления в данное время слабо разработан, несмотря на то, что некоторые вопросы военного управления, особенно XIX века в научной литературе поднимались неоднократно. Сегодня мы уже можем обобщить некоторые известные и вновь открытые сведения о комендантском правлении города Верхнеудинска. Верхнеудинск был основан во второй половине 60-х годов XVII века как опорный пункт для продвижения русского государства в пределы Забайкалья. Вопрос о дате создания Удинского зимовья в целом считается решенным, хотя есть некоторые разногласия, официальная версия поддерживает дату — 1666 год [16, с. 6-7; 7, с. 33], другие исследователи называют более раннюю дату — 1665 [11, с. 20]. Более дискуссионным считается вопрос об основании острога. Ф. М. Шулунов, не аргументируя свою точку зрения, приводит

дату 1689 г., С. В. Евдокимова, ссылаясь на архивные данные, настаивает на 1684 г. Наиболее раннюю дату указывает Н.В. Ким, который считал, что острог и его стены были возведены еще в 1678 году, не противоречит этому и мнение Л. К. Минерта который указывал промежуток между 1677 и 1680 годами [11, с. 23]. Так или иначе, важность Верхнеудинска как перевалочного пункта, который являлся связующим сегментом между центром области – Иркутском и забайкальскими крепостями быстро возрастает. Стратегическое значение города смог оценить посол Ф. А. Головин, прибывший в Забайкалье для переговоров с Китайской империей, именно его деятельность обычно связывается с созданием здесь рубленной Удинской крепости.

К 1800 году, по описанию, сохранившемуся в документах городской полиции, это была «крепость на горе обнесенная вокруг деревянною стеной с проезжими воротами и над ними и по углам башни. В крепости [расположены] амбары, [караульная] изба и подвал и все оное строение в ветхом состоянии и засыпается песком» [5, л. 328, 328 об]. Опись, составленная при вступлении в должность городничего П.А. Измайлова в 1814 году, свидетельствует о том, что разрушающаяся крепость продолжала эксплуатироваться уже в качестве тюрьмы. «Тюремный замок» был огорожен палисадом, то есть частоколом, внутри расположены две казармы с сениями, четыре солдатских караульни, гауптвахта в двух покоях и другие строения [6, л. 19, 19 об, 26 об]. Что касается гарнизона крепости, то здесь так же нет однозначных оценок. Войсковое соединение Удинска за все время своего существования, очевидно, не превышало 200-300 человек. Об этом можно судить по данным разных лет, в том числе по архивным источникам (списки гарнизона), воспоминаниям путешественников и по опубликованным сведениям о восстании казаков в 1696 году.

По заметке Тулишэня, члена маньчжурской делегации 1712-1715 года, для поддержания порядка в гарнизоне «над городом определен один начальный человек» [15, с. 29-30]. По одним данным в конце XVII — начале XVIII веков гарнизоном управлял приказчик [16, с. 11], по другим – казачий голова [15, с. 200]. Из Иркутской летописи известно, что после казачьего головы Андрея Бейтона в 1714 году из Иркутска в Верхнеудинск, «комендантом» был назначен воевода Степан (Федор) Рупышев [8, с. 60-61; 15, с. 207]. Э. В. Демин склонен считать, что с этого времени началось комендантское правление в городе, что, на наш взгляд, не вполне правомерно. Во-первых, материалы летописи не являются полностью достоверным источником, прежде всего потому, что написаны позднее описываемых событий. Во-вторых, в Селенгинск, город большей значимости в начале XVIII века, комендантов стали назначать только с 1727 года. Поэтому определение статуса Рупышева достаточно сложно, но учитывая обстановку в окружающих городах и тот факт, что указ об ограничении коменданта преимущественно военным ведомством на тот момент еще не был опубликован, Рупышев, скорее всего, являясь воеводой, был лишь назван комендантом.

По сведениям М. М. Боголюбского, термин «комендант» заимствован русским делопроизводством в самом начале XVIII века из «Прибалтийских администраций». По его мнению, должности комендантов и воевод не имели четких разграничений, однако согласно указу от 28 января 1715 года [13, с. 139], комендант и оберкомендант не назначались в города без гарнизонов, хотя были и исключения. Правительство так и не разграничило эти должности, по крайней мере, об этом не сохранилось каких-либо нормативных актов. Боголюбский считал, что часто эти термины взаимно заменялись, об этом свидетельствуют документы на которые он ссылается, в них один и тот же человек назывался то комендантом, то воеводой. Стоит, правда,

отметить, что функциональные различия между комендантом и воеводой были незначительны лишь на первых этапах. Разница между этими должностями применительно к сибирской администрации все же была. Воевода в начале XVIII века был более универсальной должностью, который руководил и городом, и посадом, и войсковыми соединениями. Комендант был связан только с военным ведомством и подчинялся генерал-губернатору. Коменданты назначались только в города с серьезным военно-стратегическим значением и получали гражданские функции, как правило только в случае отсутствия гражданских властей соответствующего уровня.

Применительно к Верхнеудинску двойность должности коменданта выразилась в соединении военных и административно-полицейских функций. К военным относились: сохранение порядка в гарнизоне, обеспечение солдат, расстановка караулов, контроль поставки и выдачи провианта, забота о проходящих воинских командах; к финансовым: наблюдение за сохранностью казенного имущества, за исполнением повинностей и проведением переписей тяглого населения, организация строительства казенных учреждений, сбор налогов; полицейские: поддержание благочиния и пожарная охрана, руководство проведением задержания и допроса, санкционирование начала уголовного преследования, осуществление суда и расправы, и т.д. Можно так же назвать контролирующие функции, в числе которых ревизия канцелярии, учет казны, контроль над правильностью составления документов и в целом над местными органами управления. Полицейские функции связаны так же с тем, что согласно указам центрального правительства поимка беглых, грабителей и убийц осуществлялась силами военных команд, которые находились под руководством коменданта. В Верхнеудинске комендант обладал высшей полицейской властью и одновременно был руководителем полицейского правления, затем потеряв руководство над батальонными солдатами (располагавшаяся рота солдат была переведена в другое место), комендант был переподчинён гражданским властям и стал именоваться городничим.

С выделением 19 октября 1764 года самостоятельной Иркутской губернии в ее состав были включены одиннадцать городов, в том числе и Удинск, с подчиненными ему ближними селениями. Это и создание гарнизонных батальонов указом 1763 года, что стало поворотным в развитии региона. Создание и размещение Селенгинского пехотного полка, расселение негодных к службе и беглых в Нерчинском и Селенгинском уездах подстегнуло развитие трансграничных крепостей Забайкальского региона. В. М. Пыкин придерживается мнения, что датой учреждения комендантского правления в Верхнеудинске стал январь 1764 года [14, с. 35], но нам сложно согласиться с этим мнением. Хотя и действительно изменения Сибирских полков начали на законодательном уровне вводиться в 1763, но даже согласно штатам о гарнизонных батальонах, которые хранятся в фонде ГАРБ – 88 – Управление Верхнеудинского коменданта, доклад Александра Голицына содержащий основные положения реформ датирован только от 2 марта 1764 года, после которого уже были созданы штаты положенные гарнизонам. В хронологическом перечне А. Д. Жалсараева [8, с. 84] указывается вступление Мертвецова в должность коменданта с 18 января 1765 года, с чем можно согласиться, если только считать эту дату временем официального назначения от высшего руководства. Если судить по журналу регистрации входящих документов от 1765 года, то комендантская канцелярия как таковая в начале 1765 года организована не была, но существовало некое ведомство «комендантских дел» до появления в крепости коменданта и даже до появления комендантского писаря, а именно не позднее 2 февраля 1765 года. Этим временем датировано поступление первого входящего

документа и произведена его регистрация, это был ордер об определении капитана Ивана Мертвцева Удинским комендантом. Нумерация документов в журнале произведена по двум графам (№ полученный и № комендантский), таким образом, вероятнее всего, что этот журнал создан при «казацких письменных делах» - военный начальник, которых, мог первое время замещать комендантскую должность, а затем журнал был продолжен комендантской канцелярией. В конце журнал заверен каптенармусом – должностным лицом ответственным за сохранность и выдачу припасов, который находился под руководством комендантской канцелярии.

Иван Степанович Мертвцов, получивший после назначения звание секунд-майора, прибыл в Удинск не ранее чем в конце марта 1765 года. В подчинении коменданта оказались провиант-комиссар, один писарь, войсковое соединение в числе одной роты и казацкой команды [14, с. 114]. О первом коменданте известно не много, есть сведения, о времени его жизни 1714 — 1771 [8, с. 84] и что дом коменданта был отстроен в 1763-65 годах силами казаков Удинска, и отмечался путешественниками как одно из красивейших зданий города [15, с. 31]. После смерти коменданта дом его в 1775 году был приспособлен под присутствие провинциальной канцелярии. Иван Степанович умер 20 июня 1771 года, будучи последние несколько дней в «крайней немощи», он назначил вместо себя управляющего должность коменданта батальонного командира Круглова. После смерти коменданта его жена Надежда Матвеевна, как впоследствии неоднократно будут делать жены градоначальников умерших на должности, подала прошение новому коменданту о выдачи ей заслуженного мужем по день его смерти жалованья.

Сложно даже представить, как мог выглядеть верхнеудинский комендант середины XVIII века – визуальных источников не сохранилось. Однако описание-требуемое общее для всей империи к мундиру комендантов в указе 1764 года [14, с. 74] дает представление о его форменной одежде: зеленый кафтан с двойными пуговицами, зеленый камзол так же с двойными пуговицами, зеленые штаны, шляпа с кистями цветом по воле комендантов. Шарф коменданту положен золотой, как и погоны на кафтане, щиблеты (ботинки) черные.

Роль комендантов в военном и административном управлении приграничных крепостей как фактически единственных управителей городов переоценить сложно. Причина концентрации в Удинске военных сил под наблюдением коменданта, не только в приграничном расположении города, но и в расположении города на единственно верной дороге по Забайкалью — реке, близость к Иркутску, что чрезвычайно важно учитывая, что определенную часть года Забайкалье было сложно доступным для властей. Военные обеспечивали безопасность, как в городе, так и в окружающих селениях, сопровождали ссыльных, поддерживали безопасность торговых путей. В этом смысле комендант являлся единственным ответственным лицом, сосредоточившим в своих руках, как стандартные военные, так и чрезвычайные гражданские функции обеспечения порядка и исполнения обязательных постановлений, в виде руководства городской полицией.

Что касается личностных качеств комендантов, то в историографии в целом прочно закрепилось отрицательное мнение о сибирском служилом сословии. Факты это подтверждающие действительно имели место быть, вместе с тем стоит отметить людей, которые посвятили свою жизнь верной службе. В их числе Иван Андреевич Аппелегрейн, секунд-майор, комендант, кавалер ордена Владимира 4й степени (за 35-летнюю беспорочную службу). Личность четверть векового градоначальника, кото-

рый занимал должность коменданта Удинска с 1774 вплоть до смерти в 1797 году, оценивается неоднозначно. В воспоминаниях Т. П. Калашникова, в которых он исключительно положительно описывает личность И. В. Тевяшева, воеводы провинциальной канцелярии, личность Аппелегрейна оценена негативно. Автор называет коменданта «трусом» и даже приводит слова, якобы сказанные Нарышкиным, что Аппелегрейн «вор и вместе воровал с Брилем» (Иркутский губернатор) [9, с. 162]. Учитывая, что Калашников долгое время работал под начальством воеводы, относившегося к нему по-отечески, и то, что между воеводой и комендантом была некоторая напряженность, вывод, следующий из многочисленных промеморий о передаче полиции, словам современника не стоит безоговорочно доверять. Заслуживает внимания и другая версия истории, изложенная Я. Кротовым в очерке «Сто дней Нарышкина», основанная на ранних описаниях и документах следственного дела. После отказа провинциальной канцелярии от предоставления Нарышкину крупной суммы денег, последний приказывает коменданту Аппелегрейну схватить воеводу и его канцеляристов и принять управление на себя. Однако к чести коменданта, он не только не стал исполнять повеления старшего по званию, но и хорошо подготовил город к обороне против сумасброда. В боевую готовность была приведена штатная команда и гарнизон, удвоены караулы, из Селенгинска тайно затребована полевая артиллерия, возле города выставлена застава. Прибывший Нарышкин, почти не имея свиты ничего, не смог противопоставить Тевяшеву и Аппелегрейну, которые, кстати, не могли арестовать его, являясь младше по званию. Было объявлено об аресте всех его офицеров, после чего Нарышкин сдался сам и был направлен в Иркутск. Как написал Кротов, «Сенат постановил срок заключения считать с 17 июля 1776 года, когда Нарышкин сам себя арестовал под удавьем взглядом Аппелегрейна». В приведенной ситуации есть и вторая сторона, безусловно, сумасбродства высших чиновников не ограничиваемые ни законом, ни силой имели место быть и в Европейской части Российской империи. Но не известны случаи, чтобы они доходили до таких размахов, которым противопоставлялась военная команда, приведенная в полную боевую готовность в условиях бездействия губернатора и его канцелярии, что свидетельствует о подготовке к обороне и открытому вооруженному конфликту против деспота. И все это в условиях границы с могущественной державой, отношение с которой было еще далеко не однозначно товарищеским.

Возвращаясь к характеристике личностей градоначальников, интересна легенда, описанная жителем Верхнеудинска Н. В. Паршиным [15, с. 112]. Один из градоправителей вечером возвращаясь, домой «в веселом расположении духа», запнулся об надгробный камень на кладбище при соборной церкви и повредил ногу, выругавшись на надгробие и покойного, градоправитель вскоре занемог от ушиба и, признав свою вину, покаялся, обещая отслужить по усопшему панихиду. Учитывая буйный нрав некоторых градоначальников Удинска, история с надгробным камнем вполне безобидна. Секретный ордер Иркутского военного губернатора Б. Б. Леццано на имя вновь назначенного коменданта Д. М. Фролова, предписывал последнему расследовать поведение своего предшественника Пермякова. Пермяков, как указано в документе, был болен «до такой степени, что не выходил из дома несколько дней», причиной чего было чрезмерное увлечение коменданта алкоголем. Однажды, будучи в сильном опьянении, комендант «чуть не заколол свою дочь и жену шпагой и сам на свою жизнь покушался». Губернатор требовал освидетельствования Пермякова штатным врачом и выяснения причин его «ипохондрического сумасбродства»: «от всегдашнего упот-

ребления вина» или болезни [4, л. 1, 1 об]. Таким образом, можно сделать вывод, что моральный облик как негативный, так и позитивный имел место быть среди высшего звена городского управления. Как любые другие чиновники и горожане коменданты были подвержены своего рода моральным недостаткам, которые проявлялись более открыто в условиях отдаления и недоступности губернского центра.

Интересен так же конфликт в целом типичный для Российской империи, между двумя высшими должностями города — воеводой и комендантом. В 1775 году в Верхнеудинск становится провинциальным городом, для управления создается провинциальная канцелярия во главе с воеводой, майором артиллерии И.В. Тевяшевым, который уже упоминался выше. Новая структура ограничила роль коменданта, однако в глазах обывателей он остался олицетворением высшей апелляционной и полицейской власти. Провинциальная канцелярия с вступлением в должность воеводы начала «борьбу» с комендантской канцелярией за руководство над полицией. Воевода в промемории, ссылаясь на «Наказ губернаторский и воеводский» (1728) и «Наставления губернаторам» (1764), утверждал, что «полицейское правление ... должно быть в ведении воеводском как тутошнего первого и главного градоначальника, а не в комендантском ... [должность которого] состоит только в одной военной страже к обороне сего места» [3, л. 92]. Комендант Аппелегреин «почитая и наводя справки» в своей промемории предлагал оставить все на прежних порядках [3, л. 17, 17 об], за отсутствием указаний на передачу от высшего начальства. После долгой переписки и взаимных убеждений, провинциальная канцелярия в июне 1776 года все-таки добилась передачи полиции и пожарных инструментов в свое ведение, однако последующие проверки губернской канцелярии выявили, что провинциальное руководство плохо справлялось с вытребованным ведомством, особенно с пожарной частью. Среди причин подобного затяжного конфликта явилась слабость законодательной базы, отсутствие правовых основ разрешения подобных конфликтов и документов, регламентирующих взаимоотношения двух равных по званию руководителей. В данной ситуации не исключается и межличностный характер двух равных начальников не поделивших поле своей компетенции. Поэтому в данной ситуации можно усмотреть и некоторые отголоски споров Российской аристократии XVII века за признание старшинства и права заседать в боярской думе выше чем остальные, которые последовательно изживались политикой Петра I уже в начале XVIII века.

В связи с увеличением темпов развития торговли и численного роста купеческого сословия Верхнеудинска 6 марта 1783 года в сенате был объявлен указ об открытии в городе Верхнеудинске присутственных мест. В исполнение этого указа 17 марта 1784 года в Верхнеудинск из Иркутского наместнического правления был отправлен указ об открытии городского магистрата, провинциальная канцелярия была упразднена. В других же городах магистраты не могли быть учреждены до формирования купеческого сословия. В Удинской области предписывалось учредить уезд, а все земские избы временно подчинить магистрату. С этого времени к Аппелегреину обращаются как к «коменданту и городничему», т. е. комендант Удинска официально состоял в должности не только военного, но и гражданского начальника. Коменданты продолжали именоваться таковыми до 1800 года, когда в Верхнеудинск начали назначаться городничие.

По нашему мнению, назначение комендантов трансграничных крепостей для руководства военными силами и поддержания их в боевой пригодности указывает на факт нежелания Российской империей уступать завоёванные, хотя и слабо освоенные

территории соседним восточным государствам. Об этом свидетельствует и приоритет военных чинов перед гражданскими при назначении на ключевые посты, в том числе полицейские, особенно учитывая условия существования на длительном протяжении только географической границы между государствами. Культ военной службы способствовал усилению репрезентативности трансграничных городов и повышению значимости полицейской службы во внутреннем пространстве империи. Таким образом, возникновение в трансграничном городе Верхнеудинске комендантского управления для поддержания порядка в гарнизоне и посаде/городе было закономерно, в ходе формирования которого осуществлялось разграничение сферы его полномочий, одна из важнейших среди них контроль и управление городом.

О значимости должности коменданта свидетельствует согласование назначаемой кандидатуры с наивысшими властными структурами в империи. Можно говорить об исключительности должности военных комендантов в истории становления и развития городов Забайкалья и в целом Восточной Сибири. Функционал комендантов охватывал военные, контролирующие, полицейские и экономические — основные сферы функционирования города на ранних этапах формирования. Однако отсутствие четко разработанных законодательных норм, особенно в плане регламентации взаимоотношений двух ведомств, имеющих дублирующие функции, имело негативные последствия. В тоже время не последнюю роль в этом процессе имел моральный облик и личностные качества комендантов. Дальнейшая разработка темы представляется нам актуальной и интересной не только на местном уровне, но и в целом для всей территории Сибири.

Источники и литература

1. Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал министерства народного просвещения / М. М. Богословский. – 1903. № 9. С. – 45-144.
2. Государственный архив Республики Бурятия, ф. 20, оп. 1, д. 238
3. ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 144
4. ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 696
5. ГАРБ, ф. 90, оп. 1, д. 20
6. ГАРБ, ф. 90, оп. 1, д. 138
7. Евдокимова С. В. Очерки истории городов Забайкалья. 17 – 18 вв. – Ч. 1. – Улан-Удэ : Изд-во Общественно-научный центр Сибирь, 1993. – 68 с.
8. Жалсараев А. Д. Время, события, люди. Хронологический перечень дат и фактов из истории этнической Бурятии (эпоха палеолита — 2010 год). – Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2011. – 408 с.
9. Калашников Т. П. Жизнь незначимого Тимофея Петровича Калашникова простым слогом описанная с 1762 по 1794 год // Русский архив. - Москва, 1904. - №10. - С. 147-183
10. Кротов Я. Сто дней Нарышкина. URL: http://krotov.info/yakov/history/18_bio_moi/naryshkin.htm (дата обращения 02.02.2015).
11. Минерт Л. К. Архитектура Улан-Удэ. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. кн. изд-во, 1983. – 248 с.
12. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие) / науч. ред. З. С. Бочарова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – 312 с.
13. ПСЗРИ. Первое собрание (1649-1825) – Санкт-Петербург, Т. 5., 1830. – 780 с.
14. ПСЗРИ. Первое собрание (1649-1825) – Санкт-Петербург, Т. 43. – Ч. 1. (1711-1800): Штаты сухопутные, 1830. – 392 с.
15. Удинск - Верхнеудинск (Улан-Удэ) в описаниях и лицах / сост. Э. В. Демин. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 294 с.
16. Шулунов Ф. М. Улан-Удэ. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят-Монгольское книжное изд-во, 1955. – 49 с.

Евтехов Роман Артурович – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, e-mail: romachka1818@rambler.ru

Evtexov Roman – a postgraduate student of Department General and Native History, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: romachka1818@rambler.ru